

# Дж. Джентиле и А.С. Макаренко: понятие «долг» как антропологическая составляющая педагогической философии

**Эмилиано Меттини,**

кандидат педагогических наук,  
заведующий кафедрой гуманитарных  
наук международного факультета  
Российского национального  
исследовательского  
медицинского университета  
им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия  
ORCID: [https://orcid.org/  
0000-0002-3051-9730](https://orcid.org/0000-0002-3051-9730),  
e-mail: [emiliano@inbox.ru](mailto:emiliano@inbox.ru)

**Дмитрий Сергеевич Моисеев,**

историк философии, кандидат  
философских наук, Российское  
философское общество,  
Москва, Россия  
e-mail: [dmitry.s.moiseev@gmail.com](mailto:dmitry.s.moiseev@gmail.com)

*Работа посвящена рассмотрению понятия «долг» в научно-педагогических работах двух крупных мыслителей XX века — А.С. Макаренко и Дж. Джентиле. Применение Дж. Джентиле понятия «долг» тесно связано с контекстом итальянской идеалистической мысли XIX–XX вв., в первую очередь с философией долга Дж. Магзини, согласно которой жизнь человека должна быть руководима идеей о долге и верой в повсеместное совершенствование. Дж. Джентиле развивает представление о долге как неотделении индивида от целого и утверждает императивность долга, из чего вытекает его представление об образовательном долге — важнейшее для его педагогической философии. Соответственно, можно заметить некоторую зеркальность между видением Дж. Джентиле и пониманием А.С. Макаренко идеи «долга», поскольку у советского педагога долг представляет собой способ «преодоления» личностью самой себя путём личностного роста как сознательного гражданина совместно с другими равноправными гражданами. Такой подход к понятию «долга» представляет собой результат применения А.С. Макаренко идей Л.И. Петражицкого, на которого повлияло учение неокантианской школы, и, в частности, психолого-правовых идей Л. Кнаппа, В. Вундта, Н.М. Коркунова и других. Это обстоятельство, которое, по мнению авторов, разъясняет идейное, а не идеологическое сходство между мировоззрениями изучаемых фигур и, в свою очередь, способствует сравнительному и критическому исследованию теоретических и практических установок А.С. Макаренко и Дж. Джентиле.*

• А.С. Макаренко • Дж. Джентиле • долг • педагогическая философия • идеалистическая философия • идеалистическая антропология

## Введение

Процесс разрядки международной идеологической напряжённости для современного общества, которое ещё не вышло из тесных идеологических рамок, требует подлинного и объективного научного исследования двух иногда противоречивых, но исключительно значимых фигур, таких как советский педагог и воспитатель А.С. Макаренко (1888–1939) и итальянский философ-неогегельянец Дж. Джентиле (1875–1934). По мнению авторов данной статьи, является целесообразным

преодолеть идеологические барьеры прошлого и сопоставлять такое понятие, как «долг», в трудах советского воспитателя и педагога А.С. Макаренко и создателя фашистской образовательной системы Дж. Джентиле.

Рабочей гипотезой авторов является то, что в основе их воспитательных концепций лежало общее начало, уходящее своими корнями в идеалистическую философию Дж. Мадзини, в случае сицилийского философа, и к Л.И. Петрожицкому в случае советского педагога и воспитателя. Исходя из данного идейного сходства, авторы намерены изучать «долг» как основополагающее понятие, определяющее суть личностного роста как с этической, так и гражданско-правовой точек зрения — сторон человеческого бытия, которые можно считать тождественными, если пристально рассматривать идеалистическую концепцию общества и человека. Если взять понятие «долг» за основную составляющую настоящего исследования, то, на взгляд авторов, нужно извлечь из такого объёмного понятия несколько «подгрупп» или «ориентиров», позволяющих пролить свет на заданную тему. Такими мы можем считать антропологический, этический и педагогический аспекты учений Дж. Джентиле и А.С. Макаренко. По мнению авторов, «преобразование» всего сущего через исполнение долга личностью содержит в своём ядре антропологическую философию И. Канта и масонское учение Дж. Мадзини, к которому косвенно можно присоединить понятие «активность» у А.С. Макаренко, которое необходимо рассматривать с диалектической позиции для определения его сходства с «актом», предполагаемым Дж. Джентиле.

### Антропологический аспект в актуальном идеализме Дж. Джентиле

Рассуждая о категории «долга» в философии итальянского неогегельянца Дж. Джентиле (1875–1944), автора собственной философской концепции, названной им актуальным идеализмом, необходимо принимать во внимание контекст, в котором в Италии начала XX века использовалось слово «долг» (*"dovere"*). Одним

из наиболее повлиявших на понимание «долга» Дж. Джентиле мыслителем был итальянский интеллектуал Дж. Мадзини (1805–1872), один из «отцов итальянской нации» наравне с Дж. Гарибальди, графом К. Кавуром и королем объединённой Италии Виктором Эммануилом II. В своей наиболее известной работе «О долге человека» (*Idoveri dell'uomo*, 1860) Дж. Мадзини утверждает, что результатом следования теории прав, утверждающей счастье отдельно взятого человека высшим благом, является общество эгоистов, охваченных теми же страстями, что и в уходящую эпоху монархий.

Согласно Дж. Мадзини, первичной задачей является образование народов, обучение, способное воспитать у них силу духа и готовность к самопожертвованию. Иными словами — чувство долга. Люди, будучи детьми одного Бога, должны следовать единому для всех закону. Их задачей должно быть не эгоистическое преследование собственного блага, но самосовершенствование в добродетели и совершенствование окружающих. Дж. Мадзини оговаривается, что он ни в коем случае не призывает людей отказываться от их прав, но при этом сами права могут быть лишь результатом исполненного долга. В философии Дж. Мадзини видно значительное влияние на итальянского мыслителя немецкого классического идеализма — как философии истории Г.В.Ф. Гегеля (в том, что касается самопознания Бога через прогресс в сознании свободы), так и этики И. Канта (моральность, устремлённая к должному, а не сущему).

Схожие истоки прослеживаются и в философии Дж. Джентиле. Он утверждал, что человек, понимающий свою природу, свободен как часть целого, если целое свободно. Также Дж. Джентиле полностью разделял ключевое убеждение Дж. Мадзини: «Жизнь — это не удовольствие и не право, но долг» [19, с. 174]. Рассмотрим представление Дж. Джентиле о долге в общей панораме актуалистской антропологии и далее выведем из этого необходимые следствия в контексте педагогической философии итальянского мыслителя. Согласно антропологии Дж. Джентиле, наш человеческий опыт невозможно назвать чисто теоретическим — поскольку наш мир является миром, в котором мы сталкиваемся с другими

живыми душами, с иными личностями, наш опыт обусловлен «не-Я» в той же степени, что и «Я». Поскольку дух является синтезом единства и множественности, это, по Дж. Джентиле, подразумевает динамичность духа. Таким образом, дух не является статичным бытием; дух — это бесконечный созидательный процесс, нечто развивающееся. Дж. Джентиле призывает рассматривать подлинную и конкретную реальность мысли в акте, в действии. Это единственная, по его мнению, возможность осознать и рассмотреть диалектический характер реальности, познать закон диалектического мышления в действии, иными словами — закон актуального мышления. «Подлинная мыслительная активность — не то, что определено, а то, что определяет» [21, с. 9], — пишет Дж. Джентиле в «Общей теории духа как чистого акта».

Согласно итальянскому философу, если мы пытаемся понять нечто, имеющее духовную ценность, какой-либо факт духовной жизни, мы должны рассматривать это нечто как идентичное нашей собственной духовной деятельности. Так мы понимаем, оцениваем, соглашаемся, спорим — осуществляем действия, именуемые Дж. Джентиле «духовными проникновениями» (*penetrazione spirituale*), без которых невозможно ни познание, ни какое-либо ориентирование в мире. Обязательной предпосылкой подлинного понимания другого, условием продуктивного общения является единение нашей реальности и реальности другого. Более того, в такие моменты духовного единения разума недостаточно — подлинно значимой становится добрая духовная predisposizione (*la buona disposizione spirituale*), а именно — добрая воля, любовь, симпатия, открытость и иные тёплые чувства.

Согласно Дж. Джентиле, духовный мир познаваем только как реальность духовной активности субъекта. Следовательно, из этого исходит, что «индивид — это открытие, которое делает мысль, когда внезапно осознает, что она выводится из исходной точки, и вместо того, чтобы иметь перед собой созданные ей же идеи, имеет перед собой саму себя, сталкивающуюся с собственной самостью. Индивид — это реализация процесса, в котором идеи возникают и проживают в тот момент, когда мы обращаем абстрактное в конкретное.

Именно в конкретном мы должны искать позитивную основу любой реальности» [21, с. 99].

Отсюда мы можем сделать промежуточный вывод об образе индивида в идеалистической антропологии Дж. Джентиле. «Я» является духовной реальностью, идентичностью самости с самой собой. «Я» при этом дублирует себя и находит себя в другом. Из этой диалектики «Я» и другого Дж. Джентиле выводит реальность субъекта как чистого субъекта, реальность объекта как чистого объекта, реальность духа как единства субъекта и имманентности объекта в субъекте. Мы, субъекты, множественность «Я», не являемся изначально тем, чем мы должны стать, но мы становимся тем, чем должны, полагая себя в актах — в действиях, которые мы вершим.

### Антропологический аспект педагогической теории А.С. Макаренко

Антропологическую составляющую педагогики А.С. Макаренко очень сложно определить в силу как идеологических запретов, так и из-за недостаточного внимания, которое отечественные и иностранные учёные уделяли вопросу об антропологии в педагогической теории и воспитательной системе А.С. Макаренко. Поиск коренных антропологических идей А.С. Макаренко требует кропотливой работы, которая в конечном итоге может раскрыть малоизученные (или совсем не изученные) составляющие педагогической теории советского педагога и воспитателя. Судя по литературе, посвящённой воспитательной системе и педагогической теории А.С. Макаренко, большинство авторов сходится во мнении, что выдающийся воспитатель считал, что необходимо подойти к человеку с положительной гипотезой, но всё-таки не совсем ясно, считал ли А.С. Макаренко природу человека доброй или злой, но, скорее всего, А.С. Макаренко шёл по пути, позволяющем учитывать, что оба элемента находятся в человеке и являются неотъемлемой частью его природы.

Соответственно, можно предполагать, что антропологические ориентиры педагогической теории А.С. Макаренко необходимо

искать как в классических трудах русской педагогической традиции (в первую очередь в произведениях К.Д. Ушинского) и в немарксистской философии. По мнению выдающегося педагога, необходимо исправить неправильное отношение человека к обществу так, чтобы восстанавливать человечность в самом человеке, т.е. восстанавливать доверительные взаимоотношения между обществом и человеком, что даёт нам возможность прийти к промежуточному выводу, что А.С. Макаренко смотрел на педагогику как антропологическую науку, потому что, как замечает В.И. Макасова, «антропология — это специальная наука о человеке как сложном и чрезвычайно значительном феномене» [5, с. 8]. Кроме того, мы можем добавить, что, по мнению А.С. Макаренко, педагогика является самой диалектической наукой, что имеет своим прямым последствием тот факт, что настоящая педагогика должна повторить педагогику всего общества.

Мы хотим обратить наше внимание на первое теоретическое положение А.С. Макаренко, поскольку оно менее противоречиво, чем второе, к которому мы тоже обратимся, и в рамках данного исследования мы хотели бы ещё подчеркнуть, в качестве рабочей гипотезы, что педагогическая теория А.С. Макаренко далека от советского идеала так называемого нового человека. В этом мы можем согласиться с выводами двух учёных, таких как Ф. Патаки и Д. Кароли, глубоко проникших в суть педагогической теории А.С. Макаренко. Венгерский макаренковед Ф. Патаки указывал на то, что «более всего Макаренко занимали суверенитет общественного индивида, его индивидуальность, зрелость, богатство и свобода его личности, желательные тенденции его поведения» [8, с. 8].

Итальянский учёный Д. Кароли [18, с. 1302] предполагает, что А.С. Макаренко сумел преодолеть данное узкое видение моральной дефективности, поняв, как и А.В. Залкинд, придерживающийся фрейдовских позиций, что молодёжь проявляла антисоциальное поведение как форму самосохранения, способ выживания в непростых социальных условиях, и что труд, этот этический фетишизм большевиков (как удачно выразился А.С. Макаренко), сам по себе не сможет развить у детей те

моральные и социальные качества, которые были бы им полезны после их выпуска из руководимых А.С. Макаренко учреждений.

Далее мы можем заметить, что антропологические основы (принципы) педагогической теории А.С. Макаренко не исходят из идейно-понятийного аппарата большевиков, а, скорее всего, относятся к прогрессивному (в основном демократическому) движению, которое надеялось на постепенное развитие человечества благодаря его «нравственному облагораживанию» (И.И. Давыдов) [1, с. 293].

Это интересное обстоятельство, и оно наталкивает на мысль, что А.С. Макаренко смотрел на человека с идеалистической позиции, сходной с философией И. Канта, поскольку А.С. Макаренко тоже заметил одно разумное начало и одно неразумное начало в человеке: выражаясь языком И. Канта, человек принадлежит и миру природы (необходимости), и миру свободы через культуру, которая является способом постоянного раскрытия личностью своих талантов и общества вообще.

Личность должна развиваться в обществе, использовать внутриколлективную диалектику для создания нового общества и нового человека, вернее — для воспитания нового человека в целях возникновения нового, этически обоснованного общества, которое должно двигаться исключительно вперёд благодаря достижениям педагогической науки, что даёт нам возможность заключить, что второе теоретическое положение А.С. Макаренко о педагогике должно быть понято с обратной стороны: педагогика изменяет общество и, соответственно, даёт ему возможность развиваться.

Можно предположить, что общество и педагогика должны развиваться параллельно, или по крайней мере мы можем считать, что при «скачке» вперёд одного может произойти и развитие другого, и наоборот. В этом мы можем предположить, что система перспективных линий имеет определённое сходство с философским учением Дж. Джентиле, поскольку у А.С. Макаренко личность покидает мир необходимости и актом осознания (самоутверждения себя по отношению к природе и в противоположности к ней) само-

утверждается в качестве «самости». Система перспективных линий служила способом проявления «самости» путём активации разумных склонностей индивидуума как представителя человека рода по дороге к реализации потенциала личности.

### **Переход от образа человека к восприятию долга в системе Дж. Джентиле**

Из идеалистической антропологии Дж. Джентиле вытекает восприятие понятия «долг» (*dovere*) итальянским философом. Согласно Дж. Джентиле, воля тождественна интеллекту, более того — первая является конкретностью второго. С позиций актуального идеализма мы не можем воспринимать мир как внешнюю нам реальность. Соответственно, его законы оказываются нашими законами, из чего Дж. Джентиле выводит понятие долга. «Что есть долг, если не единство нашего закона и закона вселенского?» [21, с. 235] — ставит вопрос философ. Отделение себя от целого, эгоизм является проявлением отсутствия морали в человеке.

Поскольку в процессе самопознания и самосвершения духа моральное сознание укрепляется, углубляется и духовное понимание жизни. Зло, боль, эгоизм, ошибки, аморальность при этом не являются тем, что должно полностью исчезнуть из мира в процессе раскрытия реальности как понятия-в-себе (*conceptus sui*), напротив — они должны вечно присутствовать в мире, поскольку без них невозможно познать добро, удовольствие, истину и мораль; они играют роль небытия благой реальности.

Благой характер духа в силу активности последнего выводится из внутреннего поглощения духом собственного «внутреннего врага». Дух, который остановился, окаменел, прекратил развиваться, не является духом в полной мере — он становится природой, недвижимым миром (положенным, а не полагаемым). Согласно Дж. Джентиле, все наши действия имеют морально-этический характер, и о них можно судить с точки зрения категорий ответственности и долга.

Всё наше мышление является необходимым компонентом нашего этического опыта. То, что философ называет моральным чувством, в свою очередь, рождает чувство долга — истинна не рефлексия о должествовании, а именно чувство. Долг в системе Дж. Джентиле — категория императивная. Вся множественность долга (если подходить к нему как к внешнему нам) в конечном счёте сводится к одному уникальному и в то же время единому для всех нас долгу — долгу как нашей внутренней реальности и внутренней обязанности; добру как реальности, которой мы можем достичь посредством нашей творческой активности; ценностям, определённым актуальностью духа; преодолению вечного зла, которое есть ничто («непознаваемый хаос жестокой природы, механизмы, духовная тьма, уродство, ложь»), с чем на протяжении всей истории борется человечество. Зло является давлением материального, «обрезающим нам крылья и не дающим взлететь к небесам, к которым нас призывает дух» [Gentile, 1954, p. 88]. Что же есть в таком случае добро? «Если мы хотим назвать добро по имени, которое воссияет перед взором человечества, назовём его свободой» [19, с. 88] — таков вердикт Дж. Джентиле.

### **Понятие «долга» у А.С. Макаренко**

Понятие «долг» в педагогической теории А.С. Макаренко, на наш взгляд, не так однозначно, как оно может выглядеть на первый взгляд. Для того чтобы понять подлинную суть понятия долга у А.С. Макаренко, необходимо тщательно изучать источники, из которых, как мы предполагаем, происходит понимание «долга» у А.С. Макаренко. Предварительно мы можем считать, что воззрения А.С. Макаренко, касающиеся долга, уходят своими корнями в почву российской социальной и социологической теории, что влечёт за собой то обстоятельство, что психологический и социологический аспект данного вопроса (скорее всего, идеалистического происхождения) влиял на взгляды А.С. Макаренко, который выбрал именно такой подход к разъяснению природы человеческого этического поведения.

Идеи А.С. Макаренко созвучны понятиям многих учёных того времени и, в частности, учению польского философа и правоведа

Л.И. Петражицкого (1867–1931). Учение Л.И. Петражицкого, если изложить его тезисно, может быть сведено к следующим основным составляющим: 1) психика людей — фактор, определяющий развитие общества, в том числе его мораль, право, государство; 2) понятие и сущность права выводятся прежде всего через психологические закономерности: правовые эмоции людей, которые носят императивно-атрибутивный характер, т.е. представляют собой переживания чувства правомочия на что-то (атрибутивная норма) и чувство обязанности сделать что-то (императивная норма); 3) понятие и сущность права выводятся прежде всего через психологические закономерности: правовые эмоции людей, которые носят императивно-атрибутивный характер, т.е. представляют собой переживания чувства правомочия на что-то (атрибутивная норма) и чувство обязанности сделать что-то (императивная норма).

В связи с этим Л.И. Петражицкий подчёркивал, что социология должна опираться на субъективную психологию человеческих мотивов, что, само собой разумеется, тесно связывает его видение с трудами И. Канта, посвящённых изучению антропологических вопросов. Как утверждают учёные, «не раз Антон Семёнович говорил, что в человеке надо преодолеть стигматические и эгоистичные стороны человеческой природы потому, что культура в широком смысле (социальное воспитание, социализация, перевоспитание) является процессом бесконечного сопротивления между человеком и его внутренней сущностью» [11, 12].

Если смотреть на данную проблематику с точки зрения педагогической теории А.С. Макаренко, культура является результатом улучшения моральных условий общества, и определённым образом культура должна стать основой усовершенствования человеческого рода. В связи с этим, мы можем заметить, что у А.С. Макаренко, как у Л.И. Петражицкого и у И. Канта, индивид не может спасти сам себя, без общества, поэтому общество, соответственно, служит и способом увеличения разумности человека, и источником свободы человека.

В начале 1920-х годов А.С. Макаренко утверждал: «Свобода не воля. Воля — это

уединённая возможность всякого действия. Воля — понятие, противоположное неволе, плену, связанности. Свобода — это социальный институт, это не уединённая позиция в небесах, а часть блага общего... Иначе говоря, она не результат моего уединения, а именно результат общественного договора... мне точно учитывать обстановку и точно выбирать действие» [3, с. 12]. Оформление правовых взаимоотношений в учреждениях, руководимых А.С. Макаренко, вызывает то, что Л.И. Петражицкий называл «эмоцией права». Польский философ считал, что право является психическим фактором общественной жизни, влияющим как на возбуждение, так и на подавление мотивов поведения, что языком А.С. Макаренко можно называть торможением и побуждением поведения, то, что С.С. Невская называла мотивационным или импульсивным действием права [4, с. 100], способствуя укреплению и развитию склонностей и черт характера. Таким образом, психика личности включается в коллективную психику (можно это называть «социальным дискурсом»), и осуществляется педагогическое (воз)действие на личность. Как справедливо замечает С.С. Невская, «согласно теории Л.И. Петражицкого, сущность правовой реальности состоит в той эмоции (психическом переживании), которое она содержала в себе» [4, с. 101], поскольку «эмоция права — это факторы, управляющие психофизической жизнью человека, которые редко оказываются замеченными» [4, с. 112].

Это утверждение С.С. Невской способствует пониманию нескольких утверждений А.С. Макаренко, потому что «эмоцию» можно понимать в её этимологическом смысле из латинского «*emovere*» (выдвигать; волновать, колебать), т.е. как мощное воспитательное средство, и одновременно предполагает положительную схему выстраивания социальных отношений. Как утверждал А.С. Макаренко, «наша педагогическая литература достаточно погрешила по этому поводу», добавляя, что «не только эмоция долга, но и необходимейшая правовая эмоция почти не пользовались вниманием педагогики» [24, с. 12, 17].

Эмоция должна быть результатом переживания ответственности человека. Теория морали содержит в себе пережи-

вание воспитанником хозяйственной заботы, порождающей переживания ответственности (эмоция долга), ценности своего коллектива (чести). Критерием нравственности является совесть (поступок наедине), заключает Т.Ф. Кораблева [2, с. 22]. Долг — это динамический критерий, который помогает в решении различных этически важных вопросов для преодоления отрицательных черт характера».

В этом мы видим сходство с идеями Дж. Джентиле, утверждающего, что долг является императивной категорией и свобода может быть связана только с добром (т.е. с моральным удовольствием, о котором написал И. Кант), добавляя, что всё понятие «долг» можно сводить к долгу как внутренней реальности и внутренней обязанности, «которой мы можем достичь посредством нашей творческой активности; ценностям, определённым актуальностью духа; преодолению вечного зла, которое есть ничто («непознаваемый хаос жестокой природы, механицизм, духовная тьма, уродство, ложь»), с чем на протяжении всей истории борется человечество».

На наш взгляд, налицо идейное сходство учения Дж. Джентиле с подходом А.С. Макаренко, поскольку главной задачей воспитания в частности и педагогической науки вообще является «преображение» человека под началами, которые могут оторвать его от «природы», на которую можно смотреть как на brutальное состояние жизни человека без культуры и без какого-либо вида занятия, способного придать человеку какое-либо сознание. Сознание и «осознание» могут произойти, лишь когда человек начинает изменять окружающую его природу, окультурит её, создавая духовные артефакты, отделяющие его от полуживотного состояния, и возвышающие его над природой. И это, на наш взгляд, касается и воспитания эмоций в том виде, в каком оно разработано у А.С. Макаренко.

Переосмысление выдающимся педагогом идей Л.И. Петражицкого, касающихся нравственных норм, являющихся императивными, и правовых норм, являющихся обязательными, определило возможности духовного (психологического) и социального развития его воспитанников. Работа над собой предполагает приобретение ду-

ховного трудолюбия — это обстоятельство, подчёркивающее, что этико-моральная концепция А.С. Макаренко лишь частично происходит из марксистского учения и уходит глубоко своими корнями в традиции идеалистической философии, разработанной неокантианскими учёными.

### **Педагогическая философия Дж. Джентиле и её связь с актуалистской антропологией в разрезе понятия «долга»**

Государственные институты, в том числе институты образования, должны защищать проявления свободы — в этом заключается моральный долг государства как целого. Это глубокое убеждение Дж. Джентиле попытался воплотить как концептуально — создав собственную педагогическую доктрину, так и практически — в период работы министром народного образования Италии. В чём заключались основные идеи педагогической философии Дж. Джентиле и какова их связь с его идеалистической антропологией и пониманием долга?

Согласно Дж. Джентиле, «сегодняшняя наука не безразличный предмет чистого интеллекта» [20, с. 15], но самосознание, вырабатываемое человеком посредством актуализации собственной человечности, его культура, формирование его разума. Если нечто, именуемое наукой, не формирует личность, значит, оно не является подлинной наукой. Дж. Джентиле убеждён, что учителя, работающие с детьми, находящиеся в них новые души, захваченные интересом к миру, должны освободиться от механической рутины, «повторения одной и той же истории» [20, с. 29]; учитель остаётся учителем тогда, когда его работа представляет собой череду новых событий, новых способов представления ученикам Универсального.

Задачей образования, по Дж. Джентиле, является формирование и воспитание свободных людей, поскольку «человек достоин называться человеком тогда, когда он владеет собой, способен на действия, за которые несёт ответственность, усваивает и вырабатывает идеи, когда то, во что он верит, принимает и делает, действительно исходит от него» [19, с. 30]. Учителем

хорошо делает свою работу в том случае, когда ученик, перенимая от него навыки, начинает думать самостоятельно и мыслить оригинально. Если школа является подлинной «кузницей свободы» (*fucina di libertà*) [19, с. 47], хорошие учителя могут добиться единства обсуждаемого предмета с душами учеников.

Связующим звеном между учителем и учеником, согласно Дж. Джентиле, является культура — содержательное наполнение образования, которое должно перейти от учителя к ученику. Это передача информации, жизненного опыта и норм поведения, формирование персональных способностей школьника. Идеалистическое понимание Дж. Джентиле крайне далеко от реалистического восприятия «современной школы», на чём философ останавливается отдельно. Апологеты «царства человека», претендующего на то, что он контролирует силы природы, воспринимают школу как храм абстрактной и объективной Науки, администрируемый особыми жрецами. Дж. Джентиле провозглашает борьбу против оцепенения умов и лени сердца, против безжизненного восприятия процесса образования. Читая учебник, ученик должен сделать его своим, а учитель должен этот процесс оживить. Учебник становится «духовным проводником для разума» тогда, когда его автор, учитель и ученик составляют единый дух, способный оживить содержание текста [19, с. 116].

Каков же, по Дж. Джентиле, идеал образования? Моральное и интеллектуальное образование должны быть едины. В той же мере необходимо обеспечить единство воспитания культуры разума и культуры тела. На смену педагогической рутине должно прийти осознание нового образовательного долга — работы не в физическом пространстве школы, но в душах школьников.

Это понимание образования как «долга» в широком смысле (долга как каждого конкретного учителя перед каждым конкретным учеником, так и долга государства по отношению к гражданам, получающим образование) органично выводится из идеалистической антропологии Дж. Джентиле.

Помимо того, что итальянский философ считает только подобный подход к обра-

зованию подлинно моральным (понимание долга как «внутренней обязанности», о котором Дж. Джентиле впоследствии подробнее напишет в работе «Генезис и структура общества» (*Genesi e struttura della società*, 1944), он ещё и является, согласно Дж. Джентиле, единственным подлинно действенным способом научить в идеалистическом смысле — рутинное повторение технических действий сложно назвать подлинной актуализацией, «постижением духовных фактов».

Подлинный процесс образования осуществляется только при условии свободного и творческого восприятия учеником духовно-культурных форм, передаваемых учителем в живом и динамичном процессе «духовного проникновения». Таким образом, педагогический и образовательный процессы в системе мысли Дж. Джентиле являются частными следствиями представления о «Я» как духовной реальности, пребывающей в постоянной диалектике с «не-Я».

### Категория «долга» в педагогической теории А.С. Макаренко

Категория «долга» в педагогической теории А.С. Макаренко занимает особое место и играет важную роль в осуществлении (достижении) педагогических целей, лежащих в основе его теории. Начнём дальнейшую аргументацию именно с коллектива и обратим внимание на отличительные признаки коллектива, который должен был получиться по окончании воспитательного процесса, который полностью осуществил педагогические цели, заложенные А.С. Макаренко.

Таковыми чертами являются: мажор, понимаемый как постоянная бодрость, готовность воспитанников к действию; ощущение собственного достоинства, вытекающее из представления о ценности своего коллектива, гордости за него; дружеское единение членов коллектива; ощущение защищённости каждого члена коллектива; активность, проявляющаяся в готовности к упорядоченному, деловому действию; привычка к торможению, сдержанности в эмоциях и словах. Наше внимание привлекают такие позиции, как мажор, ощущение собственного

достоинства, активность и привычка к торможению, сдержанности в эмоциях и словах.

Мы могли бы обобщать данные черты макаренковского коллектива в некоторые этические категории, как лаконичность (скромность), достоинство, ответственность, совесть и др. Педагогическая теория и воспитательная практика А.С. Макаренко были этически обоснованными и обусловленными, что представляет собой ещё одно сходство с философскими взглядами Дж. Джентиле, поскольку оба мыслителя смотрели на педагогику как на настоящую науку, и любая настоящая наука должна формировать личность при использовании грамотно структурированных воспитывающих ситуаций (выражаясь языком А.С. Макаренко), целью которых является воспитание свободных людей, поскольку «человек достоин называться человеком тогда, когда он владеет собой, способен на действия, за которые несёт ответственность, усваивает и вырабатывает идеи, когда то, во что он верит, принимает и делает, действительно исходит от него» [19, с. 30], как написал Дж. Джентиле, что подводит нас к важному выводу, что главной задачей двух мыслителей является преодоление некоторых крайностей либеральной педагогики, таких как полная ответственность воспитанника, отсутствие принуждения, без оценочность, поскольку формирование этической личности предполагает и до некоторой степени требует проявления данных качеств воспитанником, что позволяет нам напомнить о борьбе, которую советский педагог своей педагогической теорией вёл против так называемой парной педагогики и от «свободного воспитания».

В данном контексте нам кажется не лишним напомнить о труде как одной из главных составляющих педагогической теории А.С. Макаренко, и мы обращаем внимание на данный теоретический элемент педагогического учения А.С. Макаренко потому, что труд является не только производством чего-либо в целях его продажи или обмена. Труд-работа у А.С. Макаренко превращается в труд-заботу, в понимание себя как творца своей собственной жизни и тех ценностей, которые управляют жизнью коллектива и личной жизнью каждого воспитан-

ника. Постоянный труд над собой, над окружающей природой могут быть теми средствами, которые способствуют непрерывному развитию общества до достижения его высшей цели, которой, по мнению А.С. Макаренко, является счастье.

Мы склонны увидеть в педагогической теории А.С. Макаренко деонтологический принцип, в силу которого «источник счастья всегда внутренний, что вызывает желание поступать в соответствии с нормами добродетели и следовать долгу в своих поступках» [10, с. 35], это особо важно, потому что деонтологическая позиция предполагает активную деятельность человека и подчёркивает автономию личности в качестве морального субъекта.

Российский педагог В.И. Андреев [9] под «автономностью» личности справедливо подразумевает её самостоятельную деятельность, которой соответствуют несколько способностей, свойственных человеку как субъекту самостоятельности деятельности. На наш взгляд, среди них самыми значительными являются: мотивационно-творческая активности и направленность личности, интеллектуально-эвристические способности, самоуправление личности, и коммуникативные, что позволит подтвердить, что автономия личности является как социально-психологическим свойством человека, так и стремлением к его самоопределению как личности.

Следовательно, автономия личности предполагает, если даже не требует, сознательно волевою-ответственную позицию человека по отношению к своей автономии в качестве гарантии (гармоничного) развития личности. На наш взгляд, мы можем обнаружить такое видение (представление) автономии и автономности личности в воспитательной и педагогической теории А.С. Макаренко.

В коллективе учреждений, которыми заведовал А.С. Макаренко, все являлись равноправными его членами, имеющими равные возможности выразить свою позицию, и защищать её, даже если она шла наперекор общему мнению. Такое обстоятельство даёт нам возможность заключить, что автономия личности влечёт за собой кардинальное изменение мировоззренческих установок в силу того, что автономия личности предполагает «возникновение»

нравственных качеств, таких как честность, скромность, смелость, решительность.

Процесс коммуникации («дискурс», если использовать терминологию Ю. Хабермаса) между поколениями (и их мировоззренческими установками) способствует «сравнению» своего мнения с чужим, что не значит пассивное подчинение другому, а возможность смотреть на ситуацию с позиции «другого», который не должен быть обязательно врагом или неприятелем. Быть способным выслушать другого — наилучший способ понять себя, преодолеть агрессивность стиля общения и заменить её положительным, конструктивным диалогом между членами единого коллектива.

Соответственно, мы можем считать, что в педагогической теории А.С. Макаренко долг является результатом собственного поведения человека, а не последствием того, что он вынужден сделать, и лишь таким образом человек может быть счастливым. Счастье не какой-то божий дар, а достижение, которого человек добивается своей внутренней продуктивностью. Счастье и радость — не в удовлетворении потребности, возникающей в результате физиологического или психологического дефицита; они являются не освобождением от напряжения, а спутниками всякой продуктивной активности, в мысли, чувстве, поступке. Мы можем считать, что в педагогической теории А.С. Макаренко счастье — показатель того, что человек нашёл ответ на проблему человеческого существования, а, значит, и единства с миром, и цельности своего Я, то абсолютное универсальное (ноуменическое) явление, которое должно вести человечество к усовершенствованию.

## Общие выводы

Изучаемая в данной статье тема дала возможность раскрыть как философские и педагогические убеждения Дж. Джентиле, так и пролить новый свет на определённые элементы и составляющие педагогической теории и воспитательной системы А.С. Макаренко, которые, по результатам проведённого исследования, можно отнести к идеалистической фило-

софии, уходящей своими корнями к этическому и одновременно педагогическому учению И. Канта.

Влияние, хоть и косвенное, учения И. Канта на педагогическую теорию и воспитательную практику А.С. Макаренко не должно удивлять, потому что выдающийся педагог придерживался идей Л.И. Петражицкого, представителя неокантианства в Западной Европе на рубеже XIX и XX вв., особенно в том, что касается такого понятия, как «эмоция долга», которое с трудом может найти оправдания своему присутствию в педагогической теории А.С. Макаренко, если смотреть на педагогическую теорию А.С. Макаренко только из узкой рамки коммунистической идеологии и этики.

В этой связи нам кажется целесообразным подчеркнуть, что коллектив не представляет собой средство для уничтожения личности воспитанника, а способ формирования (организации) личности под руководством опытного воспитателя, который умеет управлять и исправлять не социальные (не этические и губительные) склонности личности воспитанника, уничтожая их путём самой творческой деятельности самого воспитанника. В этом мы можем заметить сходство с философским учением Дж. Джентиле, влияние на которое оказал Дж. Мадзини и ключевой для него термин «долг». Творчески развив идеалистическую теорию Г.В.Ф. Гегеля в философию «актуального идеализма», Дж. Джентиле уделял особенное внимание идеалистическим принципам воспитания человека — как ребёнка, так и взрослого.

Как и А.С. Макаренко, Дж. Джентиле был не только глубоким теоретиком, но и успешным практиком — проведённая им реформа высшего образования даёт свои плоды до сих пор, гармонизировав уровни образования и заложив основу массового культурного воспитания в Италии. В своей работе Дж. Джентиле несомненно был ведом глубочайшим убеждением в том, что школы должны быть «кузницами свободы», местами воспитания автономных, свободных индивидов, которых необходимо научить мыслить самостоятельно. К сожалению, как и в случае А.С. Макаренко, он не смог убедить центральную власть

в необходимости длительного следования этому курсу, и наследие реформы Джентиле было в дальнейшем извращено следующими за ним фашистскими министрами.

Завершая статью, считаем необходимым отметить важность дальнейшей разрядки идеологической напряжённости, доставшейся нам в наследство от XX века. Как утверждал французский историк Ж. Жорес, «мы должны брать из прошлого огонь, а не пепел», иными словами — не обращая внимания на всевозможные политические и идеологические баталии XX века, в своих размышлениях, академической и педагогической практике прибегать к лучшим идеям, доставшихся нам от блестящих мыслителей минувших эпох, к числу которых, несомненно, следует отнести как А.С. Макаренко, так и Дж. Джентиле.

### Список использованных источников:

1. Давыдов И.И. О согласовании воспитания с развитием душевных способностей // Полная русская хрестоматия. Ч. 1. — Москва, 1843. — 374 с.
2. Кораблева Т.Ф. Философско-этические аспекты теории коллектива А.С. Макаренко. Автореферат на соискание учебной степени кандидата философских наук. — М., 2000. — 29 с.
3. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8 т. / Сост. М.Д. Виноградова, Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов; редкол. М.И. Кондаков (гл. ред.), В.М. Коротов и др. М.: Просвещение, 1983, т. 1. — 377 с.
4. Макаренко А.С. Публичные выступления (1936 — 1939 гг.). Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2012. — 501 с.
5. Максакова В.И. Педагогическая антропология: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — 2-е изд., стереотип. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 208 с.
6. Невская С.С. Гражданское воспитание личности в творчестве А.С. Макаренко. Диссертация на соискание учёной степени доктора наук.
7. Ницше Ф. Генеалогия морали / Ф. Ницше // Полное собрание сочинений в 2-х томах. — Москва: Мысль, 1990.
8. Патаки Ф. Самоутверждение или конформизм? К вопросу идейно-политического становления Антона Семёновича Макаренко // Опускула Макаренкиана. 1987. № 6. Марбург (Германия). — 74 с.
9. Сырцова Е.А. Развитие автономности личности в образовании: проблемы и перспективы. Фундаментальные исследования. — 2007. — № 3 — С. 90 — 93.
10. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека / Сост. и перевод с польского Л.В. Коноваловой. — М.: Прогресс, 1981.
11. Фролов А.А. Социальное воспитание и наследие А.С. Макаренко // Педагогика. — 2002. — № 6. — С. 71 — 77.
12. Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю. Догмы и новые ракурсы изучения наследия А.С. Макаренко // Педагогика. — 2009. — № 5. — С. 80 — 88.
13. Bellerate B. Makarenko in Italien // Makarenko Materialien I / Red.: G. Hillig, S. Weitz. Marburg, 1969. B. 1. S. 93 — 108.
14. Bertin G.M. "Esistenzialismo, marxismo, problematicismo". Milano. Biblioteca dell'educatore. 1950. — Pg. 68 — 80
15. Bertoni Jovine D. "La pedagogia di Makarenko". Belfagor. 1955. N 4. Pp. 405 — 447.
16. Borghi L. "Il pensiero pedagogico italiano nei sui rapporti colle maggiori correnti pedagogiche del mondo contemporaneo. Scuola e città. Novembre 1952.
17. Braidò P. "A.S. Makarenko". Brescia La scuola, 1970.
18. Caroli D. Socialisme et protection sociale: une tautologie? L'enfance abandonnée en URSS (1917 — 1931). In: Annales. Histoire, Sciences Sociales. 54<sup>e</sup> année, N. 6, 1999. pp. 1291 — 1316.
19. Gentile G. Genesi e struttura della società. Firenze: Editore Arnoldo Mondadori, 1954.
20. Gentile G. La riforma dell'educazione. Discorsi ai maestri di Trieste / Opere complete di Giovanni Gentile. Opere VII. Firenze: Editore Arnoldo Mondadori, 1951.
21. Gentile G. Teoria generale dello spirito como atto puro / Gentile G. Opere. III. Firenze: Casa Editrice Le Lettere, 1987.
22. Hillig G. Makarenko und Krupskaja // Makarenko in Ost und West I / Red.: S. Weitz, A. Frolov. Marburg, 1992. — S.226 — 252.
23. Hillig G. Der andere Makarenko // Zeitschrift für Pädagogik. 1980. H.1. — S.121 — 137.
24. Hillig G. Prometheus Makarenko und die "Hauptgotter" des Pädagogischen Olymp: Sokoljanskij, Zaluznyj, Popov. — Marburg, 1997. — 154 s.
25. Holmes R.W. The Idealism of Giovanni Gentile. New York: The Macmillan Company, 1937.

26. *Kaminski A.* La pedagogia sovietica e A. Makarenko. Avio. 1952.
27. *Kruger-Potratz M.* Absterben die Schule oder Verschulung der Gesellschaft?: Die sowjet. Pädagogik in d. 2. Kulturrevolution 1928 – 1931. — 1. Aufl. — München: Wewel, 1987.
28. *Lézine I.A.S.* Makarenko Pedagogue soviétique 1888 – 1939. PUF, 1954.
29. *Lombardo Radice L.* Prefazione al Poema pedagogico. Roma, Ed. Lunghezza, 1952.
30. *Lukacs G.,* La letteratura sovietica. Editori Riuniti, 1956
31. *Mazzini G.* I doveri dell'uomo. Stabilimento tipografico Richiedei, 1872.
32. *Mettini E.* Axiology as multidisciplinary approach of philosophy of education// Global Science and Innovation. Materials of the VII international Scientific conference. March 23 – 24th, 2016. Chicago, USA 2016. — Pg. 109 – 112.
33. *Mettini E., Nevskaja S.S.* Perspective lines system in A.S. Makarenko's pedagogical experience// International Journal of Engineering & Technology, 7 (4.38) (2018). — Pg. 1200 – 1204.
34. *Siciliani De Cumis N.* I bambini di Makarenko. Il Poema pedagogico come romanzo per l'infanzia. Pisa. ETES, 2002.
35. *Sünkel W.* Im Blick auf Erziehung. Rede und Aufsätze. Bad Heilbrunn, 1965.